научный электронный журнал
Studia Humanitatis Borealis / Северные гуманитарные исследования
https://stnb.petrsu.ru **http://petrsu.ru**

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

УДК *

Рецензия на кн.: Neumann I. Diplomatic sites: a critical enquiry. n. y.: Columbia university press, 2013. 190 p. (Нойманн И. Дипломатические площадки: критическое исследование)

СМИРНОВА Александра Александровна

преподаватель кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений, Петрозаводский государственный университет, Институт истории, политических и социальных наук,, Петрозаводск, Россия, alexandrasmirnova11@gmail.com

Аннотация:

*

© 2015 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 10 января 2016 года

В последние два десятилетия в теории международных отношений существенное развитие стало получать изучение дипломатии. Как отмечает Кристофер Джонсон, несмотря на то, что специалисты всегда признавали важную роль дипломатии в мировой политике и международных отношениях, исследования именно дипломатической практики существовали исключительно в форме учебников, написанных практикующими дипломатами, такими как Ф. де Кольер, Э. Сатоу, Г. Никольсон и другие [1].

Лишь относительно недавно были предприняты попытки по созданию именно «теории дипломатии», сопоставлению ее с концепциями международных отношений и осмыслению места дипломатии в контексте мировых политических процессов. Бурный рост исследований дипломатии повлек за собой логичное стремление систематизировать появившиеся научные направления. В данном плане интересной представляется работа С. Мюррея, который выделил три школы изучения дипломатии: «традиционалистскую», изучающую государственную дипломатию и во многом продолжающую традицию вышеупомянутых классиков дипломатической мысли; «новую», представители которой выступают против «архаичного», этатистского видения дипломатии и акцентируют внимание на возросшей роли различных форм парадипломатии; «инновационную», представители которой предпочитают изучать дипломатию одновременно в ее традиционной и альтернативной формах, акцентируя внимание на основных функциях и природе дипломатии, которые сохраняются практически неизменными на протяжении большей части истории человечества [2].

Рецензируемая книга, название которой можно перевести как «Дипломатические площадки: критическое исследование», является великолепным примером третьего, «инновационного» подхода к дипломатической теории. Автор книги Ивэр Нойманн, профессор кафедры международных отношений Лондонской школы экономики, в прошлом занимавший ряд должностей в норвежском МИДе, бывший директор по науке Норвежского института международных отношений. Российскому читателю И. Нойманн, пожалуй, прежде всего известен как автор переведенной на русский язык книги «Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей», где Россия рассматривается как страна, конструирующая европейскую идентичность. На сегодняшний день Нойманн играет значительную роль в развитии теории дипломатии, наряду с С. Хокингом, Й. Мелиссеном, Э. Купером, Дж. Дер Дэрианом и другими исследователями.

Подход И. Нойманна отличается стремлением изучать дипломатию через призму социальной

антропологии, сочетанием теории, философии и собственного опыта работы в МИДе, применением концепций из других областей науки и попытками внедрения нетрадиционных тем в исследовательскую повестку. Часто исследователь приводит примеры взаимодействия России и Норвегии, поскольку нередко привлекался в качестве специалиста по России для проведения мероприятий норвежского МИДа.

В рецензируемой книге И. Нойманн рассуждает о возможной трансформации дипломатии в результате общих глобальных изменений, уделяя особое внимание фактору пространства (spaciality). При этом автор подвергает анализу «материальные» аспекты пространств, где разворачивается дипломатическая деятельность, а также обращает внимание на их «социальные» и «виртуальные» элементы.

Что касается «материальной» составляющей площадок, ученый отмечает, что в связи с глобализацией растет количество встреч, и площадки дипломатической деятельности становятся более разнообразными. Помимо стола переговоров и зданий посольств, встречи проводятся в непривычных для лидеров местах, в аэропортах и даже самолетах. Несмотря на то, что в условиях глобализации ключевые переговоры ведут лидеры государств, на плечи дипломатов ложится обязанность по подготовке площадок для переговоров, требующих соблюдения многих нюансов (инфраструктура, трансферт, места для двусторонних встреч, питание, охрана и т.д.).

«Социальный» аспект пространств подразумевает значение, которое общество придает переговорам на тех или иных площадках, поскольку результат международных переговоров зачастую закладывает основы социальной и политической жизни. Именно общество, согласно И. Нойманну создаёт «места из пространства и площадки из мест». Помимо этого, он обращает внимание, что на работу дипломатов стремятся оказать непосредственное влияние представители СМИ, бизнеса, оппозиции и активисты.

Дипломатия изучается в книге как социальное явление, которое формируется за счет того, каким образом СМИ, школьная программа, литература и искусство изображают дипломатов и их ремесло. Наконец, И. Нойманн уделяет большое внимание «виртуальному» аспекту дипломатии, под которым он подразумевает работу воображения и гиперпространственное взаимодействие в дипломатической практике. В качестве примера гиперпространственных площадок он приводит межгалактическую дипломатию из популярной франшизы и сериала «Звездный путь», вещание которого повлекло за собой появление новых мероприятий (конвенций фанатов) и общественную реакцию, которая демонстрировала интерес к проблематике дипломатии. Для анализа работы воображения человека во время дипломатических встреч И. Нойманн вводит понятие «sublime diplomacy» (возвышенная дипломатия), которую он объясняет как действия, приводящие к исчезновению в воображении физических площадок по сравнению с образами, формируемыми сознанием. Наконец, в качестве примера «виртуального» элемента дипломатии автор приводит моделирование ситуации — представление сторонами возможностей позитивных или негативных изменений в зависимости от исхода переговоров.

Во введении автор, как и многие другие современные исследователи дипломатии, обращается к вопросу устаревания дипломатии под влиянием процессов глобализации. Здесь он уточняет, что если воспринимать дипломатию в ее традиционном значении, а именно как письменный обмен документами между государствами, где государство — централизованная иерархическая политическая общность с четко установленными границами, то глобализация действительно является ключевым вызовом дипломатии. Однако если рассмотреть дипломатию в более широком ее значении, а точнее как взаимодействие политических общностей при помощи посредников, то глобализация не представляет угрозы современной дипломатии.

В качестве основных изменений, вызванных глобализацией, автор называет явления детерриторизации и ретерриторизации, в рамках которых возникают новые площадки взаимодействия, и, следовательно, может требоваться смягчение напряженности дипломатами. Хотя И. Нойманн замечает, что значительные пространственные изменения происходили и ранее, в частности, до создания государств и разделения политики на внутреннюю и внешнюю, внешние сношения осуществлялись теми же людьми, которые имели дело со знатью своего государства. Согласно мнению автора, еще одно существенное новшество, вызванное как глобализацией, так и предшествовавшей ей интернационализацией, заключается в усилении взаимодействия общества и государства. Большее вовлечение общества в вопросы внешней политики было одним из требований «новой дипломатии», попытки по реализации которой начали предприниматься после Первой мировой войны. Автор обращает внимание, что впоследствии данная тенденция получила развитие — обычным делом стала

многосторонняя дипломатия, гораздо большую роль играют СМИ, зачастую публикуемые новости требуют реакции дипломатов. Благодаря глобализации, увеличилось количество целевых групп, получающих информацию от дипломатов, а также способность этих групп активно реагировать на деятельность внешнеполитических ведомств. Наконец, стал более демократичным и набор кадров на дипломатическую службу. Если ранее дипломатами могли стать только аристократы, то постепенно к этой профессии стали привлекаться представители буржуазии, женщины, выходцы из этнических меньшинств и другие ранее маргинализированные группы.

Первая глава книги посвящена Европе как предполагаемому месту происхождения дипломатии. Автор обращается к данной теме в связи с набирающими популярность в общественных науках рассуждениями о евроцентризме в изучении дипломатии. Для обращения к проблематике евроцентризма И. Нойманн предлагает проанализировать мифы как неизбежное социальное явление дипломатии. Для этой задачи автор применяет подход антропологов К. Гиртца и М. Салина о мифах и нарративах социального общения.

Для автора элемент мифа представляется весьма важным, поскольку, по его мнению, мифы составляют основной уровень дискурса о дипломатии (т.к. они предшествуют началу дипломатических отношений). И. Нойманн замечает, что существование собственных мифов далеко не всегда осознается сторонами. На уровень мифов наслаиваются нарративы социального общения и непосредственно элементы дипломатической практики (вопросы соглашений, аккредитации, протокола и др.). Таким образом, «политические мифы образуют нарративы общественной жизни, а дипломатия вырастает из столкновения нарративов общественных отношений» [3; 19].

В главе автор выражает критическое отношение ко многим мифам, рожденным евроцентризмом дипломатической практики и ее изучения. В частности, автор критикует европейское представление о дипломатии как об исключительно мирной практике — данное суждение не учитывает периоды европейских завоеваний и колониализма. В этой трактовке дипломатии также не учитывается использование военных угроз в переговорах в Древней Греции и в другие периоды развития европейской цивилизации. Помимо этого, автор приводит примеры ценности мира и ненасилия в дипломатических практиках в других частях света, в частности это сохранившиеся данные о дипломатии племени Ирокезов [3; 16—31]. Анализируя миф об уникальном вкладе Европы в дипломатическую практику, автор обращает внимание на существующие практически во всех древних дипломатических системах мира апелляции к родству и мирному взаимодействию между общностями, обмену подарками и совместной трапезе.

Однако есть и особенности «европейского мифа». Автор предполагает, что, поскольку все дипломатические системы основываются на метафорах религии и родства, ключевую роль для европейской дипломатии играет именно христианство. В подтверждение этой мысли автор приводит существовавшие на стадии зарождения западноевропейской дипломатии нарративы о «божьей» (миротворческой) работе дипломатов, позиционирование правителей в рамках христианства, существование иерархии государств (и их представительств) в зависимости от времени принятия христианства, многочисленные обряды (например, целование креста), предполагающие присутствие высших сил и небесного наказания.

Автор настаивает, что, несмотря на дальнейшее распространение политических ценностей Эпохи просвещения, этатизма и светскости, эти явления не исключили роль мифа и религии в дипломатии. Это, например, проявилось при создании Священного союза России, Австрии и Пруссии, когда правители объявили себя «братьями во Христе». В качестве основных примеров И. Нойманн рассматривает три дипломатических явления: иммунитет послов, постоянное представительство и дипломатический корпус. В доказательство существовавшего дискурса о священности посла и иммунитета как продления его безопасности И. Нойманн приводит сноски из «первого в мире учебника для послов» под авторством Бертрана де Росье 1436 года. Автор настаивает, что дипломатический иммунитет в Европе появился в первую очередь как культурно-специфическая черта, и только затем как функциональная. Религиозная природа происхождения постоянных представительств и дипломатических корпусов проявляется в первичности церковных обменов послами, а также в более высоком положении в дипломатическом корпусе папских нунциев, которое и сегодня сохраняется в Германии и странах Латинской Америки.

В завершении главы автор высказывает мысль, что современная дипломатия евроцентрична, и это дает Европе преимущество в современной дипломатической системе. С точки зрения автора, основным вызовом евроцентричной дипломатии являются не глобализация или деколонизация, а подъем новых неевропейских держав, в результате чего произойдет смена «западной гегемонии». Автор сообщает, что наибольшим потенциалом в этом плане обладают государства БРИК, но т.к. Россия уже была

мировой державой, исследователь уделяет большее внимание Бразилии, Индии и Китаю. С одной стороны, И. Нойманн заявляет, что подъем БРИК определённо не приведет к кризису системы, поскольку, несмотря на существующие особенности дипломатии этих стран (стремление к жесткой иерархии, геополитическое мышление), все эти государства переняли европейские стандарты дипломатической практики. С другой стороны, автор предполагает, что применение правил не означает полное с ними согласие, также его интересуют возможности прихода к власти оппозиционных сил в Индии и Китае, что могло бы привести к пересмотру политики в этих странах.

Вторая глава называется «Дипломатия за столом» и посвящена такому традиционному аспекту дипломатической деятельности, как трапезы по время приема иностранных представителей. Первая часть главы посвящена антропологическому анализу совместной трапезы и историческим особенностям дипломатических обедов в разных политических общностях.

Обращаясь к истории, И. Нойманн замечает, что пища зачастую выступала в качестве источника формирования групповой идентичности и непонимания других политических групп. Так, у каждой культуры были и есть свои табу, связанные с пищей; существуют свидетельства о том, что 6500 лет назад культуры делились на рыбо- и мясоедные даже при наличии других источников питания; в Древней Греции во время обедов социальная стратификация обозначалась не только местом людей за столом, но и материалами, из которых была сделана посуда. Автор также указывает на существенные различия отдельных культур (таких как Древний Рим, Византия, Монголия, страны Скандинавии), касающиеся вопросов совместного употребления пищи, разговоров за столом, наказаний за недостаточно «теплый» прием и антуража помещений, где проходила трапеза. Таким образом, И. Нойманн разбирает становление гостеприимства в качестве одного из важнейших дипломатических институтов, отражающих статус правителей. Рассматривая историческое развитие дипломатических трапез, автор уделяет большое внимание появлению ресторанов в XVIII веке. Вторая часть главы посвящена особенностям дипломатических обедов в XX — начале XXI в. Для анализа нюансов подготовки и проведения дипломатических приемов Нойманн использует свой опыт работы в МИДе Норвегии. Автором освещаются детали подготовки государственных визитов, вопросы привлечения соответствующих специалистов, особенности выбора развлечения для гостей, которое должно соответствовать случаю, составление меню, выбор помещения, регламент проведения торжества и освещение в СМИ.

Наконец, автор уделяет внимание трем основным подходам к организации трапез для дипломатических приемов: использование своей национальной кухни, которая, по мнению дипломатов, определяет мировые стандарты (примерами служат французская, византийская, китайская и итальянская кухни); выбор «международной» кухни и использование наилучших ингредиентов на данный сезон (этот подход практикуется в Японии и Германии), стремление «маркетировать» свою национальную кухню, попытки вывести национальные блюда на новый уровень (автор наблюдал применение данного подхода в Норвегии и Украине). И. Нойманн пишет, что в течение всего XX века в Норвегии велись споры между сторонниками «элитистского» и «демократичного» (или «народного») подходов к дипломатическому протоколу и государственным приемам, но именно второй подход, сторонником которого является сам И. Нойманн, получил распространение в Норвегии.

Третья глава «Медиация третьей стороной» посвящена особенностям современного урегулирования конфликтов, границы которых после окончания холодной войны все чаще не совпадают с государственными. Данное изменение не могло не коснуться дипломатов. Если раньше дипломаты вели переговоры на поле боя между государствами, то теперь основными сторонами конфликта являются государство и отчужденные индивиды. Урегулирование данных конфликтов осуществляется в форме медиации и восстановительной работы. Автор обращает внимание, что медиация во внутригосударственном конфликте предполагает равное отношение и к государству, и к негосударственному объединению, хотя традиционная дипломатия отличалась лояльностью исключительно к государственным институтам. Можно добавить, что большая часть определений дипломатии предполагает взаимодействие признающих друг друга политических сообществ.

В этой главе автор подчеркивает, что богатые западные государства среднего и небольшого размера тратят все больше средств и усилий на поддержание текущей системы международных отношений. Примерами этому служат постоянные представительства таких государств, как Швейцария и Швеция, количество работников в которых зачастую превышает минимальные государственные требования; случаи выступления Швейцарии в качестве представителя других государств (таких как США) на Кубе в период правления Ф. Кастро; вклад Голландии в развитие международного права и так далее. Норвегия, которой уделяется большое внимание в данной главе, институционализировала

посредничество как направление дипломатии, этому примеру последовала и Ирландия.

Автор выдвигает 3 тезиса, почему небольшим развитым государствам выгодно данное направление дипломатии:

– небольшие государства заинтересованы в максимальной институционализации, т. к. не способны самостоятельно использовать военные механизмы (как великие державы);

– чем больше институционализации, тем больше транспарентности, и тем меньше возможность тайных сговоров государств. При данном раскладе небольшим государствам предоставляется место за столом переговоров и во время принятия решений;

– в условиях глобализации даже малые локальные конфликты в мире могут значительно повлиять на небольшие государства, поэтому они заинтересованы в превентивных действиях и в восстановлении общественного порядка.

И. Нойманн также характеризует данное направление деятельности как возможное противодействие новым восходящим державам.

В данной главе, основываясь на работах А. Уотсона и Г. Киссинджера, посвященных дипломатии, автор уделяет внимание теоретическим аспектам сочетания борьбы за национальные интересы и компромиссов, свойственных дипломатии небольших государств. Нойманн обращает внимание, что с точки зрения структурного реализма, дипломатия представляет собой продолжение баланса сил, хотя в эту картину не вписывается особенная активность некоторых небольших государств.

Во второй части главы автор рассуждает об особенностях норвежской политики посредничества, а также приводит достаточно любопытный исторический пример медиации в африканском бесклассовом («анархическом») обществе Нуэр. Медиацией в племенах этого народа занимался «человек в леопардовой шкуре», ведущий свою деятельность в «неприкосновенной» хижине; однако этот медиатор не имел значительных материальных ценностей, не действовал от лица правителя и не пользовался авторитетом среди соплеменников, во время сеансов соплеменники могли его перебивать и не слушать.

Сравнивая эту ситуацию с международными отношениями, автор рассуждает о влиянии власти на деятельность по поддержанию системы. В качестве примера вовлечения сильных действующих лиц в этот процесс приводится система Европейского концерта наций, а в качестве менее сильных акторов — современная Норвегия, небольшие европейские страны и глобальные НПО.

Причины сильной вовлеченности Норвегии в миростроительные процессы автор видит в особенностях исторического развития страны: в XIX в. государственные лидеры Норвегии были членами международного мирного движения, в стране существовала развитая миссионерская традиция и сильное интернациональное движение рабочих. В XX в. Норвегия активно выступала за создание международных институтов (Лига Наций, ООН) и помощь развивающимся странам (в 1970-х гг. Норвегия была одним из немногих государств, согласившихся перечислять 1% ВВП на программы мирового развития), а также стала участницей проекта «The World Orders Model Project».

Анализируя миротворческую деятельность Норвегии, автор приводит исторические примеры успешного и менее успешного посредничества; особое внимание он уделяет международной деятельности Йенса Столтенберга и Яна Эгланда в ООН и МИДе Норвегии в 1980-е гг. Именно в этот период были заложены основы «Норвежской модели» посредничества в конфликтах, которая заключается в использовании неформальных сетей заинтересованных активистов, непосредственном сотрудничестве МИД с НПО и сдерживании институционализации миротворческой деятельности, которая все-таки произошла в 2004 году, когда был учрежден Отдел Мира и Примирения МИД Норвегии. Еще одной важной характеристикой стало минимальное вмешательство в сами переговоры: задачей норвежских дипломатов и активистов становилось определение сторон конфликта, привлечение их к диалогу на базе уже существующих или новых связей, создание инфраструктуры для переговоров, обеспечение безопасности площадки для общения сторон и мониторинг заключаемых соглашений [3; 89—92].

В **четвертой главе**, посвященной франшизе и сериалу «Звездный путь», автор сравнивает изображение дипломатии в сериале и в политике США, родине сериала и мировом лидере. «Звездный путь» в силу популярности франшизы рассматривается автором как культурный артефакт, как виртуальная площадка массовой культуры, характеризующаяся большой вовлеченностью сообщества фанатов. В 1989 г. продюсеры сериала решили сделать «Звездный путь» единственным сериалом сетевого телевидения, куда зрители могли присылать свои сценарии для дальнейшей экранизации. Широкое взаимодействие с обществом, конвенции фанатов и отдельные академические труды, согласно И. Нойманну, превратили «Звездный путь» в «гиперпространственную» площадку — частично

«материальную» и частично «виртуальную». Автор замечает, что эта гибридность свойственна и другим современным явлениям — социальным сетям и новым СМИ. Большинство МИД осознают необходимость данных площадок общения с аудиторией и используют их для реализации публичной дипломатии.

Для анализа роли франшизы в конструировании общественного представления о дипломатии автор использует подход Стивена Гринблатта, который писал о взаимодействии между текстами Шекспира и публикой, изучая коллективное сотворение отдельных культурных практик и их взаимоотношения.

Автор сообщает, что в силу своей популярности сериал знакомил зрителей с проблемами налаживания дипломатических отношений с незнакомыми цивилизациями, ролью мифов при первом контакте (в сериале практически всегда первостепенную роль играет религия обществ), вопросами дипломатических подарков и проблемами технологического прогресса. Так, Федерация планет (один из главных политических институтов межгалактических отношений) не устанавливает дипломатические отношения с менее развитыми видами, а более совершенные виды не желают сотрудничать с Федерацией. Автор проводит параллель с развитием дипломатии в XIX в., когда степень цивилизованности политических общностей определяла положение государств в иерархии системы международных отношений.

И. Нойманн выделяет две немногочисленные общественные группы — фанаты сериала и уфологи, которые различно рассматривают вопрос межгалактической народной дипломатии, однако для изучения дипломатии более интересно то, насколько они отражают общий взгляд на это явление.

Говоря об особенностях американской дипломатии, И. Нойманн обращает внимание на то, что с самого основания США, американская дипломатия противопоставлялась дипломатии Старого Света: если европейские дипломаты были аристократами, представляющими интересы конкретных монархов и дворов, то предполагалось, что американские посланники в силу демократического политического устройства государства могут отстаивать интересы народа, человечества. Нежелание иметь дело с недемократичными правительствами Европы привело к первоначальному изоляционизму США: первый американский посол был отправлен в Европу лишь в 1893 г.

Данное направление мысли прослеживается и в дипломатии XX в., когда США отказывались от установления дипломатических отношений с потенциальными противниками (РСФСР и СССР в 1917—1933 гг., КНР в 1949—1972 гг., Ливия в 1969—2003 гг., Вьетнам в 1975—1994 гг. и т. д.) и предпочитали заключать единичные соглашения вместо построения длительных отношений. Специфически складывались отношения США с ООН. Автор приводит высказывание Джесси Хелмса, председателя Комитета Сената по внешним связям о том, что ООН нелегитимна, т.к. четверть стран, состоящих в этой организации, являются тоталитарными диктатурами, не заинтересованными в ликвидации тираний в других государствах.

И. Нойманн обращает внимание, что в современной дипломатии США и изображении дипломатии в «Звездном пути» прослеживаются два представления о дипломатии: реалистский, согласно которому дипломатия — империалистская и гомогенизирующая практика, и идеалистский, согласно которому, дипломатия универсальна и допускает признание различий. Автор приводит примеры, когда создатели сериала уделяют внимание риторике, альтернативной универсалистскому представлению о дипломатии федерацией планет. С точки зрения автора, ценным сериал делает как раз факт изображения различных трактовок ключевых явлений межпланетных отношений. Также немаловажно и изображение того, как идентичность и представления о «других» обществах влияют на выбор линии поведения акторов.

Конечно, автор признает, что у сериалов есть свои ограничения, в частности, законы зрелищности: изображение рутинной дипломатической работы не интересует широкую публику, поэтому внимание уделяется драматическим изменениям и отклонениям от нормы. Также интересна мысль автора, что в целом процесс «становления» более интересен западной культуре, чем статичное «пребывание».

В **пятой главе** автор вводит понятие «sublime diplomacy», которое можно перевести как «возвышенная дипломатия». Данный вид дипломатии предполагает применение различных инструментов с целью ошеломить или убедить другую сторону в величии представляемого актора. Целью данного вида дипломатии является получение расположения другой стороны, создание определенной репутации.

Обращаясь к древним и современным трудам, автор рассуждает об источниках или способах создания ощущения «возвышенности», способного к дезориентации определённой аудитории. В качестве одной из версий возникновения он цитирует лингвиста Расселла, согласно которому

образованные люди не восхищаются откровенной успешностью или величием людей — их восхищает тот, кто имеет возможность от этого отказаться. Говоря о византийской дипломатии как об одном из ярчайших примеров «возвышенной» дипломатии, автор обращает внимание, что наряду с пышными пирами иногда император общался с иностранными посланниками в обычном одеянии и в шатре. Основываясь на работе Эдмунда Бёрка, в качестве других возможных инструментов ошеломления сторон в период старой дипломатии И. Нойманн упоминает внушаемый правителями страх. Ещё одним элементом «возвышенной» дипломатии является впечатление, которое производит на население факт мирного общения правителя с представителями неизвестных им земель. Автор также приходит к выводу, что доминирующим становится европейская трактовка возвышенной дипломатии, достигаемая за счет создания ощущения непринужденности.

Исследователь задается вопросом, есть ли элементы возвышенности, способные ошеломлять аудиторию, в работе современных министерств иностранных дел. И. Нойманн завершает главу мыслью о том, что современная мировая политика находится в постоянной необходимости медиации и разрешения кризисов, поэтому сохраняется не только актуальность целей дипломатии, но и ее «возвышающие» качества.

В заключении к книге И. Нойманн рассуждает о двух тенденциях изменения дипломатии: слияние «виртуальных» и «материальных» площадок, в результате чего образуются площадки-гибриды, и увеличение роли ежедневной дипломатической деятельности. Говоря о первой тенденции, автор делает оговорку, что виртуальный аспект дипломатии существовал еще в период ее зарождения — древние договоры заключались «при участии» богов политий, да и сама представительская функция дипломатии всегда имела виртуальный характер. На сегодняшний день первая тенденция выражается в большем круге акторов, заинтересованных в дипломатии, чьи интересы стоит учитывать. Вторая тенденция заключается в большей доступности информации о рутинной работе правительств, монархов и дипломатов. Автор высказывает мысль, что современная дипломатия нуждается в улучшении репутации за счет ассоциации дипломатии с миротворчеством, а не войной и колониализмом. Именно эти изменения позволят дипломатии оставаться актуальной и «зрелой» профессией. [3]

В заключение можно сказать, что данная книга будет интересна ученым, студентам вузов, изучающим теорию и практику дипломатии, а также людям, непосредственно занимающимся дипломатической деятельностью. Хотя следует заметить, что данное исследование И. Нойманна не лишено недостатков. К примеру, проблеме появления неевропейских акторов, которые, с точки зрения Нойманна представляют наиболее серьёзную угрозу существующей дипломатической системе, посвящено всего несколько абзацев. Учитывая растущий интерес на Западе к неевропейским контекстам дипломатии, автор мог бы уделить больше внимания данному вопросу. Помимо этого, подход автора к проблематике современной дипломатии может показаться недостаточно комплексным, поскольку И. Нойманн, выбирая тематику дипломатических площадок, оставляет многие примеры неизученными.

Несмотря на вышесказанное, очевидно, что автор книги хотел привлечь внимание к нетрадиционным подходам к дипломатии и в целом побудить исследователей развивать новые концепции для анализа традиционных явлений международных отношений. С этой задачей Ивэр Нойманн, безусловно, справился.

Список литературы

1. Handbook of International Relations / Ed. by W. Carlsnaes, T. Risse and B. A. Simmons, London: SAGE Publications Ltd, 2005. P. 212.
2. Murray S. Reordering Diplomatic Theory For the Twenty-first Century: A tripartite approach [Electronic resource]/ S. Murray, - 2006. [Электронный ресурс]. URL: http://epublications.bond.edu.au/cgi/viewcontent.cgi?article=1057&context=theses**,** свободный**.** (Дата обращения: 04.06.2015).
3. Neumann I. Diplomatic Sites: A Critical Enquiry. N. Y.: Columbia University Press, 2013, 190 p.

References

1. Handbook of International Relations / Ed. by W. Carlsnaes, T. Risse and B. A. Simmons, London: SAGE Publications Ltd, 2005. P. 212.
2. Murray S. Reordering Diplomatic Theory For the Twenty-first Century: A tripartite approach [Electronic resource]/ S. Murray, - 2006. [Electronic resource]. URL: http://epublications.bond.edu.au/cgi/viewcontent.cgi?article=1057&context=theses (accessed: 04.06.2015).
3. Neumann I. Diplomatic Sites: A Critical Enquiry. N. Y.: Columbia University Press, 2013, 190 p.

Smirnova A. Review of the book Neumann I. Diplomatic sites: a critical enquiry. n. y.: Columbia university press, 2013. 190 P. // Studia Humanitatis Borealis / Северные гуманитарные исследования. 2015. № 1. P. 68–75.

Review of the book Neumann I. Diplomatic sites: a critical enquiry. n. y.: Columbia university press, 2013. 190 P.

SMIRNOVA Alexandra

Lecturer, Department of World History, Political Science and International Relations,
Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russia, alexandrasmirnova11@gmail.com

Keywords:
*

Summary:
*